

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2022. Вып. 3. С. 48—61.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2022. Iss. 3. P. 48—61.

Научная статья

УДК 821.161.1*0.09

DOI: 10.46726/И.2022.3.6

У ИСТОКОВ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (О периодизации ранней литературы Руси)

Герман Юрьевич Филипповский

Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского,
г. Ярославль, Россия, fil.gerr@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена актуальным вопросам периодизации ранней русской литературы X—XIII веков. Многие курсы вузовской истории древнерусской литературы по-прежнему используют термин «Литература Киевской Руси X—XIII веков». Однако ясно, что подобная формулировка неприемлема для эпохи XII—XIII веков. Поскольку с 1155 года столица Руси перенесена князем Андреем Боголюбским из Киева во Владимир-на-Клязьме, тогда же развивается литература Владимирской Руси, а также других княжеств, претендующих на самостоятельное, независимое от Киева развитие (Смоленское, Турово-пинское, Галицко-Волыньское, Полоцкое, Новгородская земля). «Сказание о чудесах Владимирской иконы Божьей Матери» 1160-х годов, произведение Владимирской литературы XII в., выступает программным, состоит из цикла новелл-чудес Владимирской иконы Богоматери на её пути из Киева во Владимир. Оно завершается чудом у новопостроенных Золотых ворот Владимира, как символа новой столицы и новой державы Руси. Киев, как выявил Д.С. Лихачёв, уходит в область эпического предания, что заложило основы создаваемого в XII веке цикла эпических былин киевского цикла. Новая фаза единения Руси с новым общерусским столичным центром во Владимире-на-Клязьме натолкнулась на сопротивление киевского митрополита-грека и византийского патриарха: они заблокировали введение митрополии во Владимире, убили в Киеве владимирского претендента на этот сан Феодора, а затем, в результате заговора, был убит и князь Андрей Боголюбский («Повесть об убиении Андрея Боголюбского»). Владимирский период XII—XIII вв. дал русской литературе выдающиеся литературные произведения: «Сказание о чудесах Владимирской иконы Божьей Матери», «Сказание (затем «Житие») Леонтия Ростовского», «Повесть об убиении Андрея Боголюбского», «Слово о полку Игореве», «Слово («Моление») Даниила Заточника», «Слово о гибели Русской Земли», а затем «Житие Александра Невского». Новый период развития русской литературы XII—XIII вв., продолжая традиции ранней русской литературы, проложил путь последующей русской литературе средневекового и нового периода.

Ключевые слова: Д.С. Лихачёв, периодизация ранней литературы Руси, Владимирская Русь Андрея Боголюбского, эпический образ Киева, «Сказание о чудесах Владимирской иконы Божьей Матери», «Слово о полку Игореве», «Повесть об убиении Андрея Боголюбского»

Для цитирования: Филипповский Г.Ю. У истоков русской литературы (о периодизации ранней литературы Руси) // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2022. Вып. 3. С. 48—61.

Original article

AT THE ORIGINS OF RUSSIAN LITERATURE (On the period structure of Old Russian literature)

German Yu. Philippovsky

Yaroslavl state pedagogical university named after K.D. Ushinsky, Yaroslavl,
Russian Federation, fil.gerr@yandex.ru

Abstract. The paper is related with the actual problems of Old Russian literature, its period structure. Many of the university courses used traditionally the term “Kievan Rus X—XIII cc.” for the early Russian literature. It’s clear, however, that this usage is not correct. Because since 1155 the capital of Rus’ was moved from Kiev to Wladimir-on-Klyazma. It has become the main centre of politics and literary work (along with some other centres independent of Kiev). New literary important text “The Tale of Wladimir Virgin` miracles” was created in 1160-s. It consists of 12 short novels-miracles of the Virgin` icon on the way from Kiev to Wladimir-on-Klyazma. The last miracle of the cycle presents the image of the Golden Gates as a symbol of new capital of Rus’ (following ancient christian and pre-christian tradition). Kiev, as academician D.S.Likhachov assumed, moved to the historical “shade” in 1150-s and its image had become the matter of epic legend with further creation of Kievan epic cycle of bylines. The same epic image of Kiev can be found in the final episode of the “Igor` Tale” and the “Tale of Prince Andrew the Godloved` murder” (early XIII c.). New (Wladimir) period in the development of Old Russian literature (XII — beg. XIII c.) laid foundation for all further Medieval and New literary movement in Russia.

Keywords: D.S. Likhachov, structure of periods in early Russian literature, Wladimir Rus by Andrew the Godloved, epic image of Kiev, the “Igor`Tale”, the “Tale of Prince Andrew the Godloved`murder”

For citation: Philippovsky G.Yu. At the origins of Russian literature (On the period structure of Old Russian literature), *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2022, iss. 3, pp. 48—61.

Периодизация древнерусской литературы — это алгоритм её движения, её развития во времени и пространстве, важная научная проблема, без которой не обходится практически ни один курс истории литературы Древней Руси. Опыты периодизации возникали, сопутствуя практически всем попыткам систематического изложения истории русской литературы с её начал, истоков. В XIX веке первые отечественные истории русской литературы Н.И. Греча (1822) [Греч], С.П. Шевырёва (1846—1860) [Шевырёв], А.Н. Пыпина (1898) [Пыпин] начинались с обзора памятников древнерусского, начального периода зарождения и развития нашей литературы. Например, в четырёхтомной «Истории русской литературы» А.Н. Пыпина древнерусской литературе были посвящены первые два тома (это говорило о том, что автор отводил этому периоду в развитии русской литературы особое, важное место). Конечно, уже в XIX — начале XX вв. появляются различные пособия к истории русской литературы и словесности для средних учебных заведений

(гимназий), например, А.Д. Галахова «История русской словесности, древней и новой» в 3-х томах (1863) [Галахов]; П. Смирновского «Пособие для средних учебных заведений (гимназий) при изучении русской словесности». Ч. 1. Древний и средний период (1915) [Смирновский].

Системы периодизации характерны для многочисленных опытов истории древнерусской литературы в XX веке: «История русской литературы» (под редакцией А.Е. Грузинского, Д.Н. Овсянко-Куликовского, П.Н. Сакулина, первый том — «допетровская литература», 1916) [История... Грузинский...], «История древней русской литературы. Пособие к лекциям» М.Н. Сперанского (1914) [Сперанский]; истории древнерусской литературы Е.В. Петухова (1911) [Петухов], П.В. Владимирова (1900) [Владимиров], И.Я. Порфирьева (1904) [Порфирьев], В.А. Келтуялы (1906) [Келтуяла], А.С. Орлова (1937) [Орлов], В.М. Истрина (1922) [Истрин], Н.К. Гудзия (1938 и другие издания) [Гудзий], Д.С. Лихачёва (1980) [История... 1980], В.В. Кускова (1977 и другие издания) [Кусков. История...], а также подобные курсы истории древнерусской литературы последующих учёных авторов. В одном из последних по времени учебных пособий для вузов «Древнерусская литература XI—XVII веков» под редакцией В.И. Коровина (2003) параграф 2 Введения именуется «Проблема периодизации русской средневековой литературы» [Древнерусская...]. Действительно, сколько бы ни было вузовских курсов истории древнерусской литературы, до сих пор остаются спорные, дискуссионные вопросы в этой важной, можно сказать, ключевой теме науки о возникновении и первоначальном развитии русской литературы.

При таком большом внимании, которое отечественная и мировая наука уделяла и уделяет изучению ранних этапов возникновения и развития русской литературы, то есть, древнерусской, средневековой литературы, естественно предположить, что должен существовать некий оптимум в вопросах периодизации этой самой ранней русской литературы. И действительно, такой оптимум существует, в том числе применительно к первым этапам возникновения и становления литературы Руси. Он связан с трудами и именем крупнейшего исследователя древнерусской литературы академика Д.С. Лихачёва. Конкретно речь идёт о первом томе академической трёхтомной «Истории русской литературы» 1958 года [История... 1958]. Хотя он включает материал не только древнерусской, но и русской литературы XVIII века, всё же его древнерусская половина имеет, пожалуй, особое значение, в том числе и в вопросах периодизации литературы Руси. Важность этого вклада Д.С. Лихачёва особенно подчёркивает тот факт, что отмеченная выше вузовская, можно сказать, новейшая «Древнерусская литература XI—XVII веков» под редакцией В.И. Коровина (написанная в 2003 году коллективом авторов, где основная доля исследований ранних этапов возникновения и развития литературы Руси принадлежит Л.А. Ольшевской и С.Н. Травникову), в основном, в плане периодизации ранней древнерусской литературы практически повторяет наработки Д.С. Лихачёва.

В отмеченном выше первом томе академической «Истории русской литературы» 1958 года Д.С. Лихачёв особо подчёркивает мысль о непрерывном развитии русской и древнерусской литературы, об учёте исторической перспективы, особенностей эпохи и её мировоззрения как ведущих параметров алгоритмов периодизации истории древнерусской литературы. Выдающийся учёный отмечал, говоря о процессе развития древнерусской литературы, что «периодизация истории древней русской литературы не может строиться

только по литературным признакам», ибо «каждая историческая эпоха обладает при этом и своими особенностями развития литературы и искусства» [История... 1958: 22]. Чёткость мышления Д.С. Лихачёва как ведущего исследователя древнерусской литературы проявилась в характерных для алгоритмов периодизации литературы Руси заглавиях первых глав первого тома трёхтомной академической истории русской литературы [Там же: 15—133]/

1. Литература конца X — первой половины XI века. Появление первых русских и переводных литературных произведений.

2. Литература второй половины XI — первой четверти XII века. Развитие оригинальных русских жанров. Углубление связей с русской действительностью.

3. Литература второй четверти XII — первой четверти XIII века. Рост местных литературных центров. Критическое отношение прогрессивной литературы к феодальному дроблению страны и отражение идеи единства Руси.

Сразу следует сказать, что в данной статье исследовательское внимание привлечено, главным образом, к проблеме периодизации первых, начальных этапов развития древнерусской литературы, то есть тех, которые прописаны в пунктах приведённой выше периодизации Д.С. Лихачёва. Нужно отметить, что важность вклада выдающегося учёного в данную конкретную проблему особенно заметна на фоне практически унифицированной, принятой подавляющим большинством учёных авторов XIX—XX вв. формулировки первого, начального этапа древнерусской литературы: «Литература Киевской Руси XI—XIII веков». Спорность подобной формулировки для науки о древнерусской литературе уже во второй половине XX века, особенно сейчас стала несомненной. Кроме того, Д.С. Лихачёв достаточно рано в своих работах о древнерусской литературе стал акцентировать динамическую составляющую в её оценках и характеристиках. Наряду с введением термина «динамический монументализм» ранней литературы Руси [Лихачёв 1976: 24—37], Д.С. Лихачёв особо подчеркнул динамические аспекты истории древней русской литературы в заглавиях и текстах своих книг «Развитие русской литературы X—XVII веков» [Лихачёв 1973], «Великий путь. Становление русской литературы XI—XVII веков» [Лихачёв 1987].

Конечно, литература домонгольской Руси X — первой трети XIII в. была по общему признанию «золотым», первоначальным этапом возникновения, становления и развития русской литературы. Разумеется, были попытки сформулировать особенности этого периода без обращения к ориентиру Киева. Например, академик В.М. Истрин назвал свой труд, посвящённый этому периоду, «Очерк истории древнерусской литературы домосковского периода (11—13 вв.)», Петроград, 1922 [Истрин]. Выше уже была приведена периодизация Д.С. Лихачёва 1958 года, где ни в первой, ни во второй, ни в третьей позиции киевская вежа не упомянута. В отличие от периодизаций, например, Н.К. Гудзия (первый период: Литература Киевской Руси) [Гудзий]; В.В. Кускова (второй период: Литература Киевской Руси — середина XI — первая треть XII вв.) [Кусков. История...]; в хрестоматии «Древнерусская литература» Н.И. Прокофьева (первый период: Литература Киевской Руси — XI — первая треть XII в.) [Древняя русская...]. Действительно, по словам Л.А. Ольшевской и С.Н. Травникова, «в литературе древней Руси долгое время выделяли период литературы древнерусского государства XI — первой половины XIII вв., или литературы Киевской Руси» [Древнерусская...: 14]. Прошедшее время употреблено здесь весьма характерно: уже названы периодизации, где киевский ориентир не фигурирует.

Примечательно, что если сопоставить активно востребованные сейчас периодизации Д.С. Лихачёва, В.В. Кускова, Л.А. Ольшевской — С.Н. Травникова касательно первого этапа древнерусской литературы, то окажется, что киевский ориентир у них не упомянут. Формулировка Д.С. Лихачёва уже приведена выше. Формула В.В. Кускова: возникновение древнерусской литературы [Кусков. История...]. Версия Л.А. Ольшевской — С.Н. Травникова: первый период (XI — первая треть XII вв.) — начальный этап в истории русской литературы, период ученичества [Древнерусская...: 15]. Возникает вопрос: почему у этих наиболее востребованных авторов периодизаций русской литературы киевский ориентир отсутствует? Ответ дают, например, Л.А. Ольшевская — С.Н. Травников. Единство литературы этого периода «определяется взаимосвязью двух главных культурных центров древнерусского государства — Киева и Новгорода» [Древнерусская...: 15]. Действительно, уже тогда Русь была двуцентрова: на юге — Киев, на севере — Новгород Великий [Древнерусская...: 15—16]. Северная по происхождению правящая династия Рюриковичей контролировала и политическую, и культурную жизнь Руси, уже христианизованной с конца X века. Уместно добавить, что Русь — Россия была изначально и до сих пор остаётся двуцентральной (сейчас столичные центры России — Москва и Санкт-Петербург).

И всё же главным параметром в формулировке первого периода древнерусской литературы (и русской литературы вообще) в отмеченных периодизациях остаётся фактор **начала**. У Д.С. Лихачёва: появление **первых** русских и переводных литературных произведений [История... 1958: 22—23]. У В.В. Кускова: возникновение древнерусской литературы [Кусков. История...]. И, как уже отмечалось, у Л.А. Ольшевской — С.Н. Травникова: **первый** период (XI — первая треть XII в.), **начальный** этап в истории русской литературы, период ученичества [Древнерусская...: 15]. С последним тезисом можно поспорить. На ученичество как-то не очень похоже, если взять высочайшие по уровню памятники письменной литературы, созданные на Руси в это время. Можно даже сказать, непревзойдённые по своим достоинствам во всём последующем развитии древнерусской литературной культуры. Например, «Остромирово Евангелие» 1055—1056 годов. Несомненна византийско-болгарская традиция, но уникально и необычайно высоко оригинальное художественное достоинство памятника. Так же и «Слово о Законе и Благодати» Илариона — оригинальнейшее литературное произведение, уникальный манифест Руси, принявшей христианство, как передовой части мировой христианской культуры. Характерно киевско-новгородское происхождение «Остромирова Евангелия». Уже в самом заглавии-паспорте звучит имя посадника Великого Новгорода Остромира, заказчика данного памятника. Участие не только Киева, но и Новгорода в его создании несомненно. Это не только знак высочайшей культуры и уровня начальной христианской Руси, но и символ той самой киевско-новгородской двуцентровости её, о которой шла речь выше. Так что о каком-то «ученичестве», подготовительном характере литературы и культуры ранней Руси вряд ли уместно вести речь. Или же таком «ученичестве», какое, например, отразилось в участии гениального Леонардо да Винчи на картине своего учителя Андреа дель Верроккьо, где ученик очевидно безмерно превзошёл наставника по своему уровню и таланту.

Общерусский, не только «киевский» характер литературной работы в первый период возникновения, становления литературы Руси, отмечают практически все учёные-исследователи. Действительно, первый великий

князь-книжник Руси Ярослав Владимирович Мудрый был и новгородским, и ростовским, и киевским князем. В его княжение были созданы великие Софийские соборы и в Киеве, и в Новгороде Великом, и в Полоцке, то есть и на юге, и на севере, и на западе Руси. Иное положение, казалось бы, существует применительно ко второму периоду (вторая половина XI — первая треть XII века) литературного движения Руси. Здесь несомненна роль Киево-Печерского и Михайловского Выдубицкого монастырей в литературно-книжной работе и ситуации с дальнейшим развитием книжно-литературного дела. Однако не все редакции «Повести временных лет» [Библиотека... 1: 62—315] связаны с Киевом. Третья её редакция, которую патронировал Мстислав Владимирович Великий, возникла в Переяславле Русском [Лихачёв 1947]. Владимир Мономах, который был соредактором второй редакции «Повести временных лет» был прежде всего переяславским князем, а также контролировал существовавшую ещё со времён Ярослава Мудрого северную вотчину Мономашичей — Залесскую землю с центрами в Ростове и Суздале [Филипповский 2019]. Выдающееся произведение игумена Василия в составе «Повести временных лет» — «Повесть об ослеплении князя Василька Ростиславича», где одним из главных героев был образ Владимира Мономаха, вряд ли можно считать произведением Киевской Руси. Скорее очевиден антикиевский пафос этого выдающегося литературного текста: главным антигероем-преступником изображён великий киевский князь Святополк Изяславич вместе со своим подручником-клеветником Давидом Игоревичем, князем Владимира Волынского. Именно они ответственны, по повести, за преступное ослепление без вины Тербовльского князя Василька Ростиславича, за преступное нарушение клятвы крестоцелования князей на съезде в Любече, за преступную клевету в адрес ни в чём не повинного авторитетного на Руси Владимира Мономаха. Войска именно киевского князя Святополка Изяславича терпят поражение в финальном эпизоде повести (причём поражение представлено как Божий Суд свыше, как наказание за преступление крестной клятвы) [Библиотека... 1: 270—283].

Вписанное в «Повесть временных лет» рядом с выдающимся литературным текстом об ослеплении Василька Ростиславича (предваряет через века, ни много, ни мало, такие шедевры русской литературы, как «Преступление и наказание» Ф.М. Достоевского и «Войну и мир» Л.Н. Толстого) знаменитое «Поучение» Владимира Мономаха [Филипповский 2019] также вряд ли можно соотнести с литературой Киевской Руси. Действительно, уже во вступительной его части основной эпизод встречи Мономаха с послами южнорусских князей носит очевидный антикиевский характер. Предъявленный Мономаху ультиматум, который он отвергает, исходил прежде всего от великого киевского князя Святополка Изяславича. Отказ Мономаха идти на преступную сделку с нарушителями крестной клятвы равносителен разрыву не только военного союза с Киевом, но и традиционных родовых связей. Критерием отказа стали как раз новые христианские приоритеты в междукняжеских отношениях, на которых принципиально настаивает Мономах и о которых как раз и говорит «Поучение» — великий литературный памятник ранней Руси, литературное и политическое послание ко всем князьям и народу страны [Там же]. Третья, важнейшая часть «Поучения» также не связана с Киевом. Это личное письмо-послание Мономаха, обращённое к черниговскому князю Олегу Святославичу (кстати, центральным эпизодом второй части большого текста произведения является также черниговский инцидент,

и также с Олегом Святославичем, которому Мономах уступает Чернигов ради «христианых душ» — им смертельно угрожают половецкие наёмники Олега Святославича) [Там же].

И вообще, Владимир Мономах, выдающийся писатель ранней Руси, проявил себя и как полководец — творец окончательной победы над половцами, опасными врагами Руси. Он же стал инициатором грядущего переноса политического центра Руси из Киева на север, в свою древнюю вотчину, Ростово-Суздальскую землю [Филипповский 2021: 17—27]. Мономах не писал по этому поводу никаких литературных текстов. Он строил новую Русь, города в Залесской земле, готовя перенос столичного центра Руси из Киева на север [Филипповский 2019: 80—85]. Трагическая история с ослеплением Василья Ростиславича и крестопреступлением южнорусских князей, потрясшая всю Русь в конце XI — начале XII века, повлияла и на Владимира Мономаха, оклеветанного южнорусскими князьями и обвинённого в заговоре против киевского князя. В конце XI — начале XII века Мономах заново отстраивает Суздаль, сожжённый дотла Олегом Святославичем, строит там каменный Успенский собор, покрывает внушительными валами территории суздальского Кремля X века и укрепления Ярослава Мудрого начала XI века, то есть, по сути, создавая новый Суздаль. Он закладывает в 1108 году Владимир-на-Клязьме [Филипповский 2019: 80—85] сразу как «новый Киев», с прицелом на новый столичный статус Владимира, взамен старому Киеву. Все последующие грандиозные строительные и политические мероприятия XII века в Залесской Руси сына Мономаха Юрия Владимировича Долгорукого и внука Андрея Юрьевича Боголюбского следовали грандиозному замыслу Владимира Мономаха по переносу политического центра Руси с юга на север, точнее в Русь Срединную, между Киевом и Новгородом Великим [Филипповский 2021: 17—27].

Третий этап периодизации древнерусской литературы (вторая половина XII века — первая треть XIII века) признаётся как таковой всеми учёными-исследователями. Другое дело, его понимание, его статус как завершающего этапа развития литературы домонгольской Руси. Именно он, как и предшествующий период (вторая половина XI — первая треть XII в.), подвиг Д.С. Лихачёва на корректировку выдвинутого им же литературного стиля эпохи — «монументальный историзм». Учёный предложил другой, уточняющий, дополнительный термин — «динамический монументализм» [Лихачёв 1976]. И это, конечно, не случайно. Действительно, XII век в истории и литературе Руси занимает особое, важное место как квинтэссенция русского варианта эпохи Высокого Средневековья. Больше того, именно здесь Русь подключается к общеевропейской картине Средневекового Ренессанса XII века (термин Чарльза Хаскинса) [Haskins]. Примечательно, что именно этот период в развитии древнерусской литературы Д.С. Лихачёв именовал эпохой «Слова о полку Игореве» [Лихачёв 1976]. Автор этих строк посвятил литературе этого времени статью «Мотив движения в “Слове о полку Игореве” и литературе Руси XII века» в юбилейном сборнике 1986 года под редакцией Д.С. Лихачёва. Здесь, в частности, мы указываем: «Русь XII в. как историческая эпоха характеризуется прежде всего неуклонным развитием феодальных отношений и расцветом русской культуры. Строятся новые города, развиваются и старые городские центры, возникают новые княжества, многие из которых, например Владимиро-Суздальское, претендуют на ведущую роль в государственной жизни Руси... То, что принято называть периодом феодальной

раздробленности XII в., было на деле временем стремительного развития Русской Земли в целом и каждого её княжества, каждого города в отдельности» [Филипповский 1986: 60].

Парадоксально, но у большинства исследователей (кроме Д.С. Лихачёва) обсуждаемая эпоха древнерусской литературы именуется «периодом феодальной раздробленности Руси» [Древнерусская...: 3]. Хотя в классификации Д.С. Лихачёва 1958 года, уже приведённой выше, этот третий период развития литературы Руси точно и справедливо именуется: «Рост местных литературных центров. Критическое отношение прогрессивной литературы к феодальному дроблению страны и отражение идеи единства Руси» [История... 1958: 87—133]. Конечно, ведущий специалист в изучении средневековой литературы Руси имел здесь в виду, прежде всего, такой памятник, как «Слово о полку Игореве». Но данный период не замыкается только на этом, безусловно, великом произведении русской и мировой литературы. Динамика эпохи ярче всего заявлена в другом литературном тексте середины XII века «Сказании о чудесах Владимирской иконы Божьей Матери». К сожалению, он не стал достоянием литературных курсов истории древнерусской литературы. Но от этого его значимость и выдающееся место в развитии литературы Руси не становится меньше. Уместно напомнить, что впервые этот литературный текст опубликован В.О. Ключевским в «Памятниках древней письменности» 1878 года (по списку XVII века) [Ключевский], а затем, уже недавно, в четвёртом томе (XII век) двадцатитомной «Библиотеки литературы древней Руси» (по списку XV века) [Библиотека... 4: 218—225].

Об этом произведении необходимо сказать больше. «Сказание» явилось литературным отражением эпохального события: перехода 1155 года князя Андрея Боголюбского из Киева во Владимир-на-Клязьме и переноса им столичного, политического центра Руси на новое место, то есть, главного события исторической динамики Руси XII века. Текст имеет форму цикла новелл-чудес Владимирской иконы Богоматери на её пути из Киева к новой столице. Да и сама инициатива перехода приписана конкретно самой иконе: она сходит с места в Вышгороде (Киеве) и как бы приглашает другого главного героя повествования, князя Андрея Юрьевича Боголюбского, в дальнюю дорогу. Как и первое программное произведение Руси «Слово о Законе и Благодати», «Сказание» особый акцент делает на мотивах воды и женской теме (кстати, эти же мотивы чрезвычайно популярны и в других произведениях ранней Руси «Повести об ослеплении князя Василька Ростиславича» XI—XII вв. и «Слово о полку Игореве» начала XIII века). Конечно, следует уточнить, Владимирской эта прославленная византийская икона начала XII в. стала только по итогам эпохального перехода из Киева во Владимир-на-Клязьме, новую столицу Руси (кстати, предтечу Москвы). «Сказание», как литературный текст, отразивший динамику Руси XII века, привлекал внимание В.О. Ключевского [Ключевский], Н.Н. Воронина [Воронин], Г.Ю. Филипповского [Филипповский 1986]. Остаётся только пожелать, чтобы этот текст, выдающийся и принципиальный в русле литературы «динамического монументализма» XII — начала XIII вв., стал необходимой частью вузовских курсов истории древнерусской литературы.

А.Н. Ужанков, автор книги по обсуждающейся тематике периодизации древнерусской литературы — «О специфике развития русской литературы XI — первой трети XVIII века. Стадии и формации» (2009) [Ужанков] останавливает внимание на термине Г.К. Вагнера «трансформация монументального

историзма» [Вагнер: 131—155], как бы в след известному термину Д.С. Лихачёва. В чём же здесь разница и специфика? Ведь тот же Д.С. Лихачёв уже ввёл корректирующее определение «динамический монументализм» [Лихачёв 1976: 24—37]. Слово «трансформация», видимо, имеет оттенок не простой динамики, а качественного слома, преобразования как эпохи, так и её литературы, культуры в целом. Действительно, как теоретик культуры и искусства Г.К. Вагнер не уступает, но в чём-то как бы дополняет глоссарий Д.С. Лихачёва или даже его уточняет. Середина XII века — вторая волна обновления христианской культуры Руси (как это понимал князь Андрей Боголюбский) на базе обновления государственно-политических приоритетов. Уже не Киев, и не Новгород Великий, а центральный регион: Владимир-на-Клязьме — Ростов — Суздаль выходит на первый план. Киевские прежние приоритеты остаются теньными, как бы цивилизационным фоном вместе с византийско-константинопольской подосновой. Андрей Боголюбский в 1169 году посылает сына Мстислава на взятие Киева, во главе объединённой армии разных земель [Полное собрание... 1: стлб. 361], в 1170-е годы Киев неоднократно подвергается нападению и разорению [Там же: стлб. 363—367]. Штурм и ограбление Киева устраивает Рюрик Ростиславич [Там же: стлб. 418—419], ближайший родственник великого Владимирского князя Всеволода Юрьевича Большое Гнездо, в 1203 году. Ранее, в середине XII века совсем не случайно именно киевский митрополит и константинопольский патриарх (оба греки) резко воспротивились инициативе Андрея Боголюбского о введении независимой митрополии во Владимире-на-Клязьме [Филипповский 1986]. Весьма вероятно, что отголоски этой политической борьбы проявились и в последующем убийстве князя Андрея Юрьевича [Библиотека... 4: 206—217].

Новое теневое положение Киева как великой, но уже прежней столицы Руси, отразилось также на литературной почве («Сказание о чудесах Владимирской иконы Божьей Матери» [Библиотека... 4: 218—225], «Сказание о Леонтии Ростовском» [Сказание... : 125—129], другие произведения эпохи Андрея Боголюбского и, конечно, «Повесть об убиении Андрея Боголюбского») [Библиотека... 4: 206—217], но и в словесности данной эпохи, прежде всего, эпическом фольклоре. Д.С. Лихачёву принадлежит замечательное открытие, которое он сделал в своей статье 1952 года «Эпическое время» русских былин» [Лихачёв 1952]. Здесь учёный прозорливо разглядел истоки и историческую подоснову возникновения первых былинных циклов героических сказаний Руси. Профессор-фольклорист В.П. Аникин утверждал (фактически вслед за Д.С. Лихачёвым), что былина «Первая поездка Ильи Муромца» и последующие возникли уже во второй половине XII века [Аникин: 218—220]. Именно после ухода Киева, бывшей столицы Руси, «в тень», его образ переместился в область эпического предания [Лихачёв 1952: 55—63]. Тем самым было положено начало возникновению и развитию так называемого «киевского» цикла русского былинного эпоса [Аникин: 218—220] (записан он был много столетий позже). Существовавшее всегда на Руси взаимодействие литературы и фольклора, двух различных, но коррелятивных систем словесности, со второй половины XII века приобрело новое качество и новый размах. Именно этот феномен повлиял, в частности, на появление такого шедевра, как «Слово о полку Игореве» в начале XIII века. Не случайно в концовке «Слова о полку Игореве» находим эпический образ Киева, куда в апофеозе славы эпического героя возвращается князь Игорь Святославич, что

парадоксально, поскольку вся его дружина погибла («а Игорева храброго войска уже не кресити»), а он сам волею провидения сумел бежать из половецкого плена [Библиотека... 4: 254—267].

Подобный же эпический образ Киева находим в финале «Повести об убиении Андрея Боголюбского» [Библиотека... 4: 206—217] конца XII века, которая читается в Ипатьевской летописи. Здесь приведён плач Владимирских людей у Серебряных ворот города при встрече тела убитого в Боголюбове князя Андрея Юрьевича. Здесь звучит тема Золотых ворот Киева явно эпического свойства. Литературный текст повести, как ни парадоксально, включает фольклорный по тону плач-оплакивание погибшего князя, к тому же обогащённый эпическим образом Киева: «Уже ли Киеву поеха, господине, в ту церковь, теми Золотыми вороты, их же делать послалъ быше той церкви на велицемъ дворе на Ярославле, а река: “Хочю создати церковь таку же, ака же ворота си золота — да будетъ память всему отечеству моему!”» [Библиотека... 4: 216—217]. Характерно, что в этом плаче народ соединяет образы Золотых ворот Киева и Владимира, соотнося старую и новую столицы Руси через символическую древнюю традицию Золотых ворот (идушую от шумерской и египетской древности через известные в христианском Средневековье образы Золотых ворот Иерусалима и Константинополя).

Эпический формат проявился и в тексте знаменитого «Слова о погибели Русской Земли», обычно датируемого временем между 1223 годом (битва на Калке, трагическая для Руси) и 1237 годом (годом Батыева нашествия). В «Слове о погибели Русской Земли» отразилась средневековая легенда о Владимире Мономахе, «которымъ то половоци дети своя ношаху в колыбели, а литва из болота на светъ не выникываху, а угры твердяху каменныя города железными вороты, абы на нахъ великый Володимерь тамо не всехаль, а немци радовахуся, далече будуче за синимъ моремъ, буртаси, черемиси, вьда и морьдва бортьничаху на князя великого Володимера, и жюръ Мануиль цесарегородскый опасъ имея, поне и великыя дары посылаша къ нему, абы под нимъ великый князь Володимерь Цесаря города не взялъ» [Древняя русская...: 217]. Подобный же эпический образ Владимира Мономаха находим и в тексте Галицко-Волынской летописи под 1201 год в характеристике князя Романа Галицкого: «...устремил бо ся быше на поганьи, яко и левъ, сердить же бысть, яко и рысь, и губяше, яко и коркодилъ; и прехожаше землю ихъ, яко и орель, храборъ бо бе, яко и турь. Ревноваше бо деду своему Мономаху, погубившему поганья измаилтяны, рекомья половцы... Тогда Володимерь и Мономах пиль золотом шоломомъ Донъ; и приемшю землю ихъ всю и загнавшю окаянныя агаряны» [Древняя русская...: 130—131]. Легендарный образ Владимира Мономаха появляется уже в 1117 году в «Повести об ослеплении князя Василька Ростиславича» в составе второй редакции «Повести временных лет». В течение всего XII века он контаминировался в народной памяти и легенде с образом Владимира I — крестителя Руси, что привело в итоге к возникновению образа эпического князя Владимира первых русских былинных циклов [Аникин: 218—220]. Конечно, здесь сложились два явления: эпический образ Киева и эпический образ князя Владимира. И то, и другое явилось итогом уникальной литературно-исторической ситуации, сложившейся на Руси к середине, второй половине XII века. Начало же этим процессам положил исторический факт: уход Андрея Боголюбского из Киева, переход его во Владимир-на-Клязьме, который стал по его воле новой столицей Руси [Филипповский 1986]. Соглашаясь с Д.С. Лихачёвым, мы предлагаем

рассматривать «Сказание о чудесах Владимирской иконы Божьей Матери» XII века не только под углом его литературных достоинств, но и в связи с историческими событиями, исторической ситуацией эпохи Андрея Боголюбского [Филипповский 1986].

В.В. Кусков вводит термин «историческая ретроспективная аналогия» [Кусков 1988: 68] применительно к литературе Руси XII—XIII веков. Этот приём, его широкое применение в литературе отмеченного периода спровоцированы обсуждавшимся переходом образа Киева в «эпическую тень», сменной ситуации со столицей Руси, что в плане литературы, культуры и искусства обозначил Г.К. Вагнер своим термином «трансформация монументального историзма» [Вагнер: 131—155]. С точки зрения отношений Руси и Византии (а они были базовыми с эпохи Крещения Руси) слом ситуации, подобный произошедшему в 1155 году по политической воле Андрея Боголюбского, произошёл после 1204 года [Попова: 292]. Тогда, как известно, Византийская империя фактически прекратила своё существование после коварного захвата крестоносцами «второго Рима» (при помощи венецианцев). О.С. Попова пишет по этому поводу о «перенесении центра тяжести художественной жизни из столицы в страны и районы, культура которых раньше была провинциальной по сравнению с Константинополем» [Там же]. Тогда же, в начале XIII века, отмечает О.С. Попова: «Интерес к прошлому в условиях политического краха государства приобретает патриотическую окраску» [Там же].

Сказанное всецело относится к ситуации новой Владимирской Руси конца XII — первой трети XIII в., когда в связи с переходом образа Киева в пространство эпического предания особую роль приобретает литературный, как впрочем, и фольклорно-эпический приём исторической ретроспективной аналогии (термин В.В. Кускова) [Кусков 1988: 68]. В применении к «Слову о полку Игореве» начала XIII века данный приём необходимо признать основным, можно сказать, решающим в литературной поэтике этого уникального текста. Речь идёт не только об образе Бояна, вещего певца из эпического прошлого Киева, но и о поэтике текста в целом (по нашей версии его автором являлся великий князь Владимирский Константин Всеволодович — филолог, историк, книжник и поэт) [Филипповский 2014: 257—263].

Итак, периодизация ранней древнерусской литературы X—XIII вв. не мыслима сейчас без учёта Владимирского этапа её развития (вторая половина XII — первая треть XIII в.) [Филипповский 1986]. Он знаменуется выдающимися литературными произведениями: «Сказанием о чудесах Владимирской иконы Божьей Матери» — первым на Руси литературным текстом — циклом новелл о прославленной иконе (получил развитие в XV веке в московских пространственных текстах «Сказания о Владимирской иконе» и «Повести о Темир-Аксаке») [Филипповский 1991]; «Сказанием об обретении мощей святителя Леонтия Ростовского», которое в 1190 году становится полноформатным «Житием Леонтия Ростовского» — первым русским святительским житием [Филипповский 1991]; «Повестью об убиении Андрея Боголюбского» — выдающимся текстом русской литературы конца XII века; «Словом» или «Молением Даниила Заточника» — талантливым текстом Владимирской литературы начала XIII века; «Словом о полку Игореве» — средневековой поэмой мирового значения; «Словом о погибели Русской земли» — гимном былой красоте и величию Руси. Все отмеченные произведения характеризуются приёмами ретроспективной исторической аналогии [Кусков 1988: 68], включая использование эпического образа Киева, ушедшего со середины XII века

в область эпического предания [Лихачёв 1952: 55—63]. Развивая приобретённые с X века книжно-византийские традиции, литература Руси второй половины XII — первой трети XIII в. вместе с тем устремлена в будущее великой русской литературы. Эпоха первоначального развития русской литературы со середины XII века обогащается возникновением и первоначальным развитием сюжетов, образов, тем, циклов русского эпического фольклора — былин. Данный (Владимирский) период характеризуется особым взаимодействием литературы и фольклора, представляя характерные явления грядущего развития русской литературы в целом.

Список источников

- Аникин В.П., Круглов Ю.Г. Русское народное поэтическое творчество. М.: Высшая школа, 1983. 479 с.
- Библиотека литературы Древней Руси: в 20 т. / под ред. Д.С. Лихачёва, Л.А. Дмитриева, А.А. Алексева, Н.В. Поньрко. СПб.: Наука, 1997—2000.
- Владимиров П.В. Древняя русская литература Киевского периода XI—XIII веков. Киев: Тип. Имп. ун-та св. Владимира Н.Т. Корчак-Новицкого, 1900. 375 с.
- Галахов А.Д. История русской словесности древней и новой: в 3 т.: учебное пособие для средних учебных заведений. М.: Издание книжного магазина В.В. Думнова, 1863.
- Греч Н.И. Опыт краткой истории русской литературы. СПб.: Типография Н. Греча, 1822. 596 с.
- Гудзий Н.К. История древней русской литературы. 6-е изд. М.: Гос. учеб.-пед. изд-во Министерства просвещения РСФСР, 1956. 511 с.
- Древнерусская литература XI—XVII веков / под ред. В.И. Коровина. М.: Владос, 2003. 445 с.
- Древняя русская литература: Хрестоматия / сост. Н.И. Прокофьев. М.: Просвещение, 1980. 399 с.
- История русской литературы: в 3 т. / под ред. Д.Д. Благого. Т.1. Литература X—XVIII веков. М.; Л.: Изд. АН СССР, 1958. 730 с.
- История русской литературы X—XVII веков / под ред. Д.С. Лихачёва. М.: Просвещение, 1980. 462 с.
- История русской литературы / под ред. А.Е. Грузинского, Д.Н. Овсяннико-Куликовского, П.Н. Сакулина. Т. 1. Допетровская литература. М.: Мир, 1916.
- Истрин В.М. Очерк истории древнерусской литературы домосковского периода XI—XIII веков. Петроград: Наука и Школа, 1922. 248 с.
- Келтуяла В.А. Курс истории русской литературы: пособие для самообразования. Ч. 1. СПб.: тип. Попечительства Человеколюб. общ-ва, 1906. 784 с.
- Кусков В.В. История древнерусской литературы. 5-е изд. М.: Высшая школа, 1989. 304 с.
- Ключевский В.О. Сказание о чудесах Владимирской иконы Божьей Матери // Памятники древней письменности. М.: тип. В.С. Балашева, 1878. С. 29—43.
- Орлов А.С. Древняя русская литература XI—XVI веков. М.; Л.: Изд. АН СССР, 1937. 379 с.
- Петухов Е.В. Русская литература: исторический обзор главнейших литературных явлений древнего и нового периода. Юрьев: Типография К. Матиссена, 1911. 496 с.
- Полное собрание русских летописей. Т. 1. Лаврентьевская летопись. М.: Изд. восточной литературы, 1962. 577 с.
- Порфирьев И.Я. История русской словесности. Ч. 1. Древний период. Казань: Типо-литография Императорского университета, 1904. 728 с.
- Пыпин А.Н. История русской литературы. Т. 1. Древняя письменность. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1898. 537 с.
- Сказание о Леонтии Ростовском // Древнерусские предания (XI—XVI вв.) / сост., вступ. статья, коммент. В.В. Кускова; подгот. текста и пер. Г.Ю. Филипповского. М.:

- Советская Россия, 1982. С. 125—129 (Серия «Сокровища древнерусской литературы»).
- Смирновский П. Пособие для средних учебных заведений (гимназий) при изучении русской словесности. Ч. 1. Древний и средний периоды. М.: Издание А.С. Панфидиной, 1915. 388 с.
- Сперанский М.Н. История древней русской литературы. Пособие к лекциям в университетах и на высших женских курсах в Москве. М.: Типо-литография Т-ва И.Н. Кушнерев и Ко., 1914. 593 с.
- Шевырёв С.П. История русской словесности, преимущественно древней. Т. 1. Ч. 1—4. М.: Унив. тип., 1846—1860.

Список литературы / References

- Вагнер Г.К. Канон и стиль в древнерусском искусстве. М.: Искусство, 1987. 287 с.
(Vagner G.K. Canon and style in Ancient Russian art, Moscow, 1987, 287 p. — In Russ.)
- Воронин Н.Н. Из истории русско-византийской церковной борьбы. II. Культ Владимирской иконы // Византийский временник. Т. 26. М.: Наука, 1965. С. 190—218.
(Voronin N.N. From the history of the Russian-Byzantine Church struggle. II. The cult of the Vladimir icon, *The Byzantine time book*, vol. 26, Moscow, 1965, pp. 190—218. — In Russ.)
- Кусков В.В. Исторические аналогии событий и героев в «Слове о полку Игореве» // «Слово о полку Игореве». Комплексные исследования / отв. ред. А.Н. Робинсон. М.: Наука, 1988. С. 62—79.
(Kuskov V.V. Historical analogies of events and heroes in “The Word about Igor’s Regiment”, “A word about Igor’s regiment”. *Comprehensive research*, Moscow, 1988, pp. 62—79. — In Russ.)
- Лихачёв Д.С. Великий путь. Становление русской литературы XI—XVII веков. М.: Современник, 1987. 301 с.
(Likhachev D.S. The Great Way. The formation of Russian literature of the XI—XVII centuries, Moscow, 1987, 301 p. — In Russ.)
- Лихачёв Д.С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.—Л.: Изд. АН СССР, 1947. 479 с.
(Likhachev D.S. Russian chronicles and their cultural and historical significance, Moscow—Leningrad, 1947, 479 p. — In Russ.)
- Лихачёв Д.С. Развитие русской литературы X—XVII веков. Эпохи и стили. Л.: Наука, 1973. 254 с.
(Likhachev D.S. The development of Russian literature of the X—XVII centuries. Epochs and styles, Leningrad, 1973, 254 p. — In Russ.)
- Лихачёв Д.С. «Слово о полку Игореве» и эстетические представления его времени // Русская литература. 1976. № 2. С. 24—37.
(Likhachev D.S. “The Word about Igor’s regiment” and aesthetic representations of his time, *Russian literature*, 1976, iss. 2, pp. 24—37. — In Russ.)
- Лихачёв Д.С. «Эпическое время» русских былин // Академику Борису Дмитриевичу Грекову ко дню семидесятилетия: сборник статей. М.: Изд. АН СССР, 1952. С. 55—63.
(Likhachev D.S. “Epic time” of Russian epics, *Academician Boris Dmitrievich Grekov on his seventieth birthday: collection of articles*, Moscow, 1952, pp. 55—63. — In Russ.)
- Попова О.С. Византийское искусство // Очерки истории искусства / под ред. Н.Е. Григоровича и Г.Г. Пospelова. М.: Советский художник, 1987. С. 242—303.

- (Popova O.S. Byzantine art, *Essays on the history of art*, Moscow, 1987, pp. 242—303. — In Russ.)
- Ужанков А.Н. О специфике развития русской литературы XI — первой трети XVIII века. Стадии и формации. М.: Языки славянской культуры, 2009. 259 с.
(Uzhankov A.N. On the specifics of the development of Russian literature of the XI — first third of the XVIII century. Stages and formations, Moscow, 2009, 259 p. — In Russ.)
- Филипповский Г.Ю. Мотив движения в «Слове о полку Игореве» и литературе Руси XII в. // Исследования «Слова о полку Игореве» / отв. ред. Д.С. Лихачёв. Л.: Наука, 1986. С. 58—64.
(Filippovsky G.Y. Motive of movement in “The Word about Igor’s regiment” and the literature of Russia of the XII century, *Research “Words about Igor’s regiment”*, Leningrad, 1986, pp. 58—64. — In Russ.)
- Филипповский Г.Ю. Столетие дерзаний. Владимирская Русь в литературе XII в. / отв. ред. А.Н. Робинсон. М., Наука, 1991. 160 с.
(Filippovsky G.Y. A century of daring. Vladimir Rus in the literature of the XII century, Moscow, 1991, 160 p. — In Russ.)
- Филипповский Г.Ю. Средневековая идентичность «Слова о полку Игореве». 2-е изд. Ярославль: РИО ЯГПУ, 2014. С. 257—263.
(Filippovsky G.Y. Medieval identity “Words about Igor’s regiment”. 2nd ed, Yaroslavl, 2014, pp. 257—263. — In Russ.)
- Филипповский Г.Ю. «Поучение» Владимира Мономаха: проблемы литературной поэтики. Ярославль: РИО ЯГПУ, 2019. 119 с.
(Filippovsky G.Y. “The Teaching” of Vladimir Monomakh: problems of literary poetics, Yaroslavl, 2019, 119 p. — In Russ.)
- Филипповский Г.Ю. «Поучение» Владимира Мономаха как литературный памятник XI—XII вв. и политическое послание Руси // Верхневолжский филологический вестник. 2021. № 4. С. 17—27.
(Filippovsky G.Y. “The Teaching” of Vladimir Monomakh as a literary monument of the XI—XII centuries and the political message of Russia, *Verkhnevolzhsky Philological Bulletin*, 2021, iss. 4, pp. 17—27. — In Russ.)
- Haskins Ch. *The Renaissance of the Twelfth Century*. Cambridge: Harvard University Press, 1927. 487 p.

Статья поступила в редакцию 12.05.2022; одобрена после рецензирования 16.05.2022; принята к публикации 24.05.2022.

The article was submitted 12.05.2022; approved after reviewing 16.05.2022; accepted for publication 24.05.2022.

Информация об авторе / Information about the author

Филипповский Герман Юрьевич — доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского, г. Ярославль, Россия, fil.gerr@yandex.ru

Philippovsky German Yurievich — Doctor of Sciences (Philology), Professor of the Department of Russian literature, Yaroslavl state pedagogical university named after K.D. Ushinsky, Yaroslavl, Russian Federation, fil.gerr@yandex.ru